

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-312-328>

<https://elibrary.ru/VBJJNB>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

Л.Г. Дорофеева
ТОПОС ЛЕСТВИЦЫ
В ЖИТИИ ИОАННА СИНАЙСКОГО
(на материале Оптинского перевода Лествицы)

*Статья написана при поддержке Российского научного фонда
(проект № 22-18-00005,
«Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»)*

Аннотация: Статья посвящена изучению поэтики краткого жития Иоанна Лествичника, составленного Даниилом Раифским. Анализ проводится на материале русского перевода Оптиной Пустыни. Данное житие является неотъемлемой частью творения Иоанна Синайского «Лествица». В центре внимания автора статьи находится топос лествицы, его смысловое наполнение, формы выражения и функция в структуре жития. Органичная связь жития святого с его же творением обуславливает принцип сопоставления этих текстов. Образ святого Иоанна Лествичника находится в центре, как и в иконе, организуя все элементы поэтики, включая топос лествицы. Лествица содержит 30 ступеней («степеней»), которые отражаются в житии, но не в прямой последовательности, а в подчиненности закону иконичности и основному принципу создания житийного образа — обратной перспективы. Главным в житии является пространство Божественной вечности, а для агиографа важна не временная последовательность событий внешнего или даже внутреннего характера, а иерархичность добродетелей и их выражение в образе святого, являющегося образцом для подражания. Панегиричность этого жития обуславливает его метафоричность, образность, что позволяет агиографу в краткой форме выразить основную идею Лествицы — восхождение святого по ступеням добродетелей.

Ключевые слова: древнерусская переводная литература, агиография, Житие Иоанна Синайского, агиографическая топика, топос Лествицы, образ святого, поэтика.

Lyudmila G. Dorofeeva

**TOPOS OF LADDER IN THE LIFE (VITA) OF JOHN THE SINAI
(Based on the Optina Translation of the *Ladder*)**

Acknowledgements: The article was completed with the support of the Russian Science Foundation (grant no. 22-18-00005 “Iconography and hagiography of the Ladder of John the Sinai”).

Abstract: The article examines the study of poetics of the short life (vita) of John of the Ladder, compiled by Daniel of Raifa. The text analysis is carried out on the material of the Russian translation of The Optina Pustyn Monastery. The life is an integral part of the creation of John the Sinai the *Ladder*. The author of article focuses on the topos of ladder, its semantic content, forms of expression and its function in the structure of the life (vita). The essential nexus of the life of the saint with his own creation determines the principle of comparison of the texts. The image of St. John of the Ladder is in the centre, as in the icon, organizing all the elements of poetics, including the topos of ladder. The ladder contains 30 steps (or “degrees”), which are reflected in the life (vita), but not in direct sequence, but in subordination to the law of iconicity and the basic principle of creating a hagiographic image — the reverse perspective. The main thing in the life (vita) is the space of Divine eternity, and for the hagiographer it is not the temporal progression of external or even internal events that is important, but hierarchy of virtues and its expression in the image of the saint whose example is to be followed. The panegyric nature of the life determines its metaphoricity, imagery, which allows the hagiographer to express briefly the main idea of the Ladder — ascent of the saint along the steps of virtues.

Keywords: Old Russian translated literature, hagiography, the Life (Vita) of John the Sinai, hagiographic topic, topos of ladder, image of the saint, poetics.

Анализ топики краткого Жития Иоанна Синайского, составленного Даниилом Раифским, проведенный нами ранее на материале старопечатного издания Лестницы 1647 г. (см.: [3]), ясно показал ключевое положение в структуре жития двух топосов, находящихся во взаимосвязи: *Небесной Горы и лестницы*. Агиографический мотив «лестницы» является, как верно заметила Т.Р. Руди, одним из основных в житиях преподобных, его обязательность обусловлена самим типом монашеского подвига: постепенным восхождением святого «к вершинам добродетельного жития» [10, с. 482], т. е. к святости, которая понимается, по определению В. Живова, «как высшее осуществ-

вление того образа и подобия Божиего, которые даны человеку в творении» [13, с. 84].

Обратим внимание на то, что агиографический топос *лествицы* Т.Р. Руди возводит не к первоисточнику — библейскому сюжету о сне Иакова («Видение Иакова») из книги Бытия (Быт. 28), а именно к книге Иоанна Лествичника: «Мотив имеет источником, по всей видимости, образ “лествицы” из одноименной книги Иоанна Синайского <...>, ступени которой — “степени” — олицетворяют добродетели, ведущие христианина в Царство Небесное» [10, с. 482]. Иллюстрирует она эту мысль перечислением целого ряда известных русских монашеских житий, в которых путь подвижника-монаха означен словом «ступени», что не случайно, так как эта книга была одной из самых читаемых в монастырях. При этом, конечно, в основе «Духовных скрижалей» Иоанна Синайского лежит библейский образ — «Сон Иакова» из Священного Писания, на что сам Иоанна Лествичник и указывает в книге не один раз. В Слове 9 «О памятозлобии» он проводит прямое сравнение добродетелей с «лествицей Иакова»: «Святые добродетели подобны лестнице Иакова», при этом страсти уподобляя «узам, спадшим с верховного Павла» [15, с. 125]. А в завершающем книгу Слове 30 «О союзе трех добродетелей, то есть о вере, надежде и любви», Лествичник, размышляя о Любви и обращаясь к ней как к имени Бога, напрямую указывает на связь своего творения с «лествицей Иакова»:

Но желаю я узнать, как видел Тебя (Любовь. — Л.Д.) Иаков утвержденною на верху лествицы? Что означает самый образ лествицы, и расположение степеней ее, тех «восхождений», которые «полагал в сердце своем» некий любитель красоты Твоей (ср.: Пс. 83: 6)? И сколько их числом, жажду узнать? И сколько времени требуется на восхождение оной? Тот, который Тебя видел и боролся с Тобою, возвестил нам об одних только по одной лестнице руководителей (Ангелах); но ничего более не восхотел, или, лучше сказать, не возмог открыть. Тогда Она, сия царица, как бы с неба явившись мне, и как бы на ухо души моей беседуя, говорила: доколе ты, любитель Мой, не разрешишься от сей дебелий плоти, не можешь познать красоты Моей, какова она. *Лествица же, виденная Иаковом, пусть научит тебя составлять духовную лествицу добродетелей*, на верху которой Я утверждаюсь, как и великий таинник мой говорит: «ныне же

пребывают три сия: вера, надежда, любви; больше же всех любви»¹ (ср.: 1 Кор. 13: 13) [15, с. 303].

Если труд Лествничника становится источником ключевого мотива монашеского типа жития, и чаще всего *мотива сюжетного*², то интересно посмотреть, как житие самого Иоанна Синайского воплощает этот мотив и в чем проявляется связь жития святого с его творением, осознавая при этом, что мы анализируем *творчество агиографа*, через призму понимания которого мы и читаем житие.

Об агиографе же нам известно совсем немного, но это немного принципиально важно: Даниил Раифский, монах раифского монастыря, написал краткое житие Иоанна Лествничника в конце VI — начале VII в. после смерти преподобного. Это означает, что он был современником святого преподобного Иоанна Синайского и был, вероятно, близок его духовной школе, несомненно, хорошо знал его творение, осваивая в практике своего монашеского делания.

Рассмотрим связь двух текстов — краткого жития и «Лествицы», останавливаясь на ключевых сюжетно-композиционных элементах. Обратимся к Оптинскому переводу этого творения Иоанна Синайского, который фактически завершил (на сегодняшний день) сам процесс перевода «Лествицы» на русский язык, поскольку после его выхода в свет в 1862 г. иных вариантов перевода не возникло³. Он по-прежнему многократно переиздается огромными тиражами и широко распространен.

Лествица, как известно, содержит 30 ступеней («степеней») восхождения по образу 30-летнего возраста Христа, до Его выхода на проповедь: «...восхождение по “умопостигаемой лестнице” понимается как возрастание в меру возраста исполнения Христова» [11, с. 404]. Ступени выражены в 30 «словах», что представляет весьма основательный труд. Житие же, составленное Даниилом Раифским,

¹ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — Л.Д.

² Термин «сюжетный мотив» применительно к агиографической топике вводит М.В. Антонова, понимая под подобным рода топосами «эпизоды с единой семантикой и относительно устойчивой конструкцией», которые разворачиваются в более или менее обширный сюжетный повествовательный эпизод» [1, с. 173].

³ Об истории перевода Лествицы Иоанна Синайского на русский язык см.: [9, с. 164–165; 16, с. 408; 11, с. 16].

является поистине кратким, в нем «содержится немного фактических данных, поскольку оно является не столько жизнеописанием, сколько панегириком» [11, с. 404]. Панегирическая форма и не предполагает внешне-событийного повествования, вернее, события, безусловно, есть, и они означают этапы перемен в жизни святого, но акцент сделан на внутреннем, духовном его состоянии. Соответственно, и формы выражения духовных ступеней, преодолеваемых подвижником, носят образный, часто метафорический, характер. Анализируя житийный текст, мы должны помнить о том, что житие есть словесная икона, по слову В.О. Ключевского: «...образ святого в житии — не портрет, а икона» [4, с. 315]. Следовательно, как и в иконе, главной целью агиографа является изображение *лика святого*, образ которого находится в центре жития. И именно это определяет содержание и функцию всех топосов, как и в целом организацию житийной структуры и поэтику.

Своеобразие краткого жития Иоанна Синайского, составленного Даниилом Раифским, заключается в соединении явно выраженной панегирической формы с агиографической схемой жития «Βίος», хорошо всем известной по трудам Х.Г. Лопарева [7], что мы и должны учитывать при анализе текста.

Обращаясь к сюжетно-композиционным элементам агиографической схемы, рассмотрим их смысловое наполнение и особенности поэтики.

Заглавие в Житии Лествичника, как оно представлено в Оптинской версии перевода, — «Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком поистине святого отца»⁴ [14, с. 5] — не содержит упоминаний о месяце и дне памяти святого, как и о месте его погребения. Оно сосредоточивает

⁴ Стоит сразу отметить, что нет единого устойчивого заглавия этого жития в разных славянских и русских переводах. Так, в Шелонинском старопечатном издании 1647 г. заглавие более распространенное, включающее имя Лествичника и указание на написание им книги «Лествица»: «Житие вкратцѣ бл(а)женнаго отца наше(го) Иоанна игоумена с(вя)тыя горы синайския, нареченнаго схоластика, во с(вя)тыхъ поистинѣ, послѣжде же от списания именующася лѣствицика, написавшаго д(у)ховныя сия скрижали, сиречь с(вя)тую лѣствицу. Списа же ся житие се от Даниила инока смиреннаго раифскаго» [12, л. 4].

внимание на личности святого и делится в смысловом отношении на три части. В первой части заглавия обозначено место его служения («святая гора Синайская») и его игуменство, что отражает биографические факты. Во второй части слово «схоластик» указывает на характер его подвига и одновременно на его мирскую ученость и Божественную мудрость, выразившие себя в книге «Лествица». Надо сказать, что Оптинские издатели Лествицы трактуют слово «схоластик» как «земную» ученость: «Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы, или вообще люди ученые» [14, с. 5]. Но, не отменяя этого смысла, можно расширить интерпретацию слова «схоластик». Ведь оно происходит от «схолия», которое понимается как «примечание к тексту», или *толкование*. Цель толкования в христианских текстах выходит за рамки справки о каком-либо явлении, толкования в христианской литературе носят характер богословский, это, скорее, *богомыслие*, для чего нужна особая премудрость, данная святому толкователю по благодати. И в этом смысле преп. Иоанн Лествичник характеризуется словом «схоластик» как ученый человек, обладающий Божественной мудростью. Третью часть заглавия, утверждающую святость подвижника, мы усматриваем в двух последних его словах: «поистине святого отца».

Так, мы видим, что заглавие трехчленно и уже построено по принципу *лестницы* — от земного к небесному: Авва Иоанн, Игумен Святой горы — схоластик — святой отец.

Вступление в Житии (или *предисловие* по Х.Г. Лопареву) построено по законам риторики: содержит внутренний вопрос в первой фразе («Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани...») и далее дает ответ об известном агиографу Небесном Граде, которого достиг святой: «том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: “наше житие на небесех есть” (Флп. 3: 20)» [14, с. 5].

Главным во вступлении в содержательном плане является противопоставление *вещественного* и *невещественного*, которое далее проходит через все житийное повествование Даниила Раифского: «...невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимою добротою, духовно утешается духовным» [15, с. 5], «как сей *вещественный* достиг *невещественных*

сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности» [14, с. 5].

Иначе говоря, во вступлении говорится уже о человеке, завершившем свой жизненный путь и *достигшем святости*. Это означает, что *первая ступень* Лествицы — отречение от мира или от мирской жизни как «*отвержение естества*» — во вступлении соединяется с указанием на то, что подвижник *достиг* «*невещественных сил*», т. е. главной цели монашеской жизни. А это воспринимается читателем уже как ее *итог*, с которого агиограф начинает жизнеописание. В 29-м, предпоследнем, слове «Лествицы» читаем: «истинно бесстрастным называется и есть тот, кто *тело* свое сделал *нетленным*, ум возвысил *превыше всякой твари*, все же *чувства* покорил уму, а душу свою представил лицу Господню, всегда простираясь к Нему, даже и выше сил своих» [14, с. 293]. Тем самым образ святого выстраивается по принципу «*обратной перспективы*», когда все события, весь путь святого, внешне выстроенный по хронологии (от рождения к смерти), на самом деле *принадлежит вечности* и направлен к ней.

Итак, зафиксируем свое внимание на этой мысли: главным в житии («словесной иконе») является пространство *вечности*, то, что в зримой иконе выражено цветовой символикой золотого фона и некоторыми ритмическими приемами, повторами, которые создают ощущение *недвижного движения*, являющего собой Вечное Царство Славы — присутствие Бога в своих энергиях. Об этом пишет О.В. Губарева в книге «Икона как искусство», утверждая, что Христоцентричность иконы, как важнейшее из ее свойств, «реализовывается не только в том, что предметом изображения иконы является святой человек. Все ее пространство выстраивается вокруг главного образа <....>. Образ Божий, соединенный с чертами святого, светится из вечности. В них нет сиюминутных эмоций, переживаний, только то, что вечно, только Дух Божий» [2, с. 97–98]. А это значит, что и не может быть биографическая, временная последовательность *главной* в структуре жития. Все, что изображено в житии, о чем повествуется, уже обращено и помещено в Божественную *вечность*.

Следующая *главная часть* жития содержит периоды, отражающие духовный путь святого, по сути, этапы его подвига. И каждый этап

опирается на характерные для монашеских житий сюжетно-композиционные топосы.

Первому этапу монашеского пути преп. Иоанна, выраженному сюжетно-композиционным топосом *«подвижник покидает родительский дом»* [10, с. 441], посвящена очень краткая, риторически оформленная часть текста, в которой мы не видим непосредственно процесса отречения святого от мира. Даниил Раифский не рисует пути, не сообщает последовательности событий, а сразу раскрывает плоды этого пути, которые относятся к внутренней, духовной жизни подвижника. Так, первый этап подвижничества — с момента ухода Иоанна на Синайскую гору в шестнадцать лет — длится девятнадцать лет вплоть до смерти его наставника, «искуснейшего учителя» [14, с. 6], в полном послушании которому он был все это время. Описание Даниилом данного периода отражает сразу четыре первых ступени Лествицы, которые представлены им не как процесс, а во взаимной связи.

Начальные три слова в творении Иоанна Синайского «Лествица» объединены одной темой — отречения от мира. В «Лествице» первое слово (или «степень») и носит такое название: «Об отречении от жития мирского», в котором, характеризуя монаха, Лествичник противопоставляет «вещество» и то, что «превыше естества»: «Монах есть тот, кто, будучи облечен в вещественное и бренное тело, подражает жизни и состоянию бесплотных» [15, с. 20–21], «Отречение от мира есть произвольная ненависть к веществу, похвальному мирскими, и отвержение естества, для получения тех благ, которые превыше естества» [15, с. 21]. Выше мы отметили важность данной оппозиции для вступления и для всего повествования. В сюжетно-композиционной части жития, организованной агиографическим мотивом *«отречения святого от мира»*, эта оппозиция выражена образно-символически: «...блаженный принес себя самого, как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею, и телом взошел на Синайскую, а душою на небесную гору» [14, с. 6].

Второе и третье слова в Лествице, продолжая тему отречения от мира, все более погружают читателя вглубь души, что одновременно означает и восхождение человека вверх по лестнице добродетелей. Суть второго слова «О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире» заключается в борьбе с земными пристрастиями,

для чего монаху нужно совершить в себе три отречения: «Первое есть отречение от всех *вещей, и человеков, и родителей*; второе есть отречение *своей воли*; а третье — отвержение *тщеславия*, которое следует за послушанием» [15, с. 32]. Третье слово посвящено *странничеству* («О *странничестве, то есть уклонении от мира*»), которое «есть *невозвратное оставление всего*, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию» [15, с. 33], *удиненная жизнь*, его цель — «сделать мысль свою неразлучною с Богом» [15, с. 34]. Особый акцент Лествичник делает на опасности тщеславия: «...должно остерегаться, чтобы уклонение от мира не было нам поводом к тщеславию» [15, с. 33]. Слово четвертое говорит «О блаженном и приснопамятном послушании». Этой добродетели можно достичь только при совершенном уклонении от мира («ибо как всякий плод предваряется цветом, так всякому послушанию предшествует уклонение от мира, телом или волею» [15, с. 40], т. е. *после* преодоления первых трех ступеней), и ее достижение в Житии определяет весь первый период монашеского пути. Послушание становится фактически условием достижения святым совершенной свободы от естества, о чем пишется в житии: святой Иоанн «при самом вступлении в подвиг, весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоутодие и самоверие; ибо *преклонил свою выю* и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы, при благонадежном его руководстве, непогрешительно переплывать бурное море страстей» [14, с. 6].

В житии его внутренний путь в течение девятнадцати лет в послушании и в подвигах борьбы со страстями представлен без подробностей этой борьбы, образно-метафорически: «*отсекши бесчестную дерзость* отшельничеством, сею *обладательницею наших мысленных отроковиц*»⁵ [14, с. 6]. Главным итогом этой внутренней борьбы является умерщвление души: «*Умертвив себя* таким образом, он имел в себе душу, *как бы без разума и без воли*, совершенно свободную и от естественного свойства» [14, с. 6]. В этой фразе слово «умертвив» означает не смерть души, но ее освобождение от «земного», каковыми могут быть *разум и воля*, почему Даниил употребляет условно-предположительное сравнение «как бы», которое

⁵ Оптикинские переводчики дали пояснение к этому образу «мысленных отроковиц» — «то есть страстей» [14, с. 6].

предполагает наличие и разума, и воли, но уже свободных *«от естественного свойства»*.

Таким образом, первый этап монашеского пути доминантой имеет борьбу с «естеством», которое означает не только плоть, но и состояние души, когда она находится *в зависимости от плоти*.

Весь путь святого в кратком житии выстраивается как аскетический в соответствии с логикой духовной брани, которая и составляет внутренний сюжет агиографического повествования. Но, как это выше мы отметили, противопоставляется здесь не напрямую грех и добродетель, а *вещественное — неведущее, видимое — невидимое*.

Надо особо заметить, что автор жития мастерски выстраивает эту логику, используя принцип *смысловой оппозиции*. Первая часть пути святого являет в разных формах выражения оппозицию *вещественного — неведущего*. Их можно разделить на оппозиции:

1. *временную*: возраст телесный — 16 лет / возраст «разумный» («Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысячелетен» [14, с. 6]);

2. *пространственную*: Синайская гора / небесная гора («телом взошел на Синайскую (здесь в значении «земная». — Л.Д.), а душою на небесную гору»); Место видимое / невидимое («чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого» [14, с. 6]);

3. *антропологическую*, связанную с *духовной борьбой* святого: тело/душа (выше приведенная цитата: «телом взошел на Синайскую, а душою на небесную гору»); «мысленные отроковицы» (т. е. страсти) / «благоепное смиренномудрие» («отсекши бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц, восприяв же благоепное смиренномудрие» [14, с. 6]); самоугодие и самоверие / «преклонение выи», т. е. послушание руководителю («отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие; ибо *преклонил свою выю* и вверил себя искуснейшему учителю» [14, с. 6]).

Итогом духовной борьбы в этом отречении от мира, главным результатом стало *умирание для мира*, что означает обретение святым свободы «от естественного свойства», о чем мы выше сказали.

И этот первый этап — ученичество, в результате которого он достигает «отвержения естества для получения тех благ, которые *выше естества*», что и соответствует первым четырем ступеням «Лестницы» — 1) отречение от мира — первая ступень: «Приходящие к сему подвигу должны всего отречься, все презирать, всему посмеяться, все отвергнуть, чтобы положить им твердое основание» [15, с. 23]; 2) беспристрастие, «т. е. отложения попечений и печали о мире» [15, с. 29] — вторая ступень; 3) состояние духовного странничества (третья ступень) и 4) послушание (четвертая ступень).

Следующий, *второй этап* подвижничества является главным, занимает основную часть повествования о житии святого, охватывает сорок лет, и, как логично предположить, количество пройденных святым ступеней должно быть оставшихся 26. Но, конечно, мы не обнаруживаем опять-таки прямой аналогии с последовательностью ступеней Лестницы. Да и совсем необязательно агиографу было перечислять все «орудия аскетической брани», т. е. аскетические подвиги, поскольку известно утверждение преподобного Иоанна Лествичника о том, что бесстрастия (а это значит совершенства) нельзя достичь без одной какой-либо добродетели, нужны все в совокупности. Следовательно, Даниил Раифский, говоря о совершенстве святого — достижении им бесстрастия, — и предполагает достижение им всех добродетелей. Даниил не перечисляет *все* страсти, борьбу с которыми описывает Лествичник в своем творении. Он уже в первой части использует метафору «отсекши бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц», приводимую нами выше.

Начинает Даниил повествование о 40-летнем подвиге пустынножительства с указания на главную добродетель святого и одновременно главную черту его личности — *горячую веру*: «провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда *пылая горящую ревностию и огнем божественным*» [14, с. 6]. Затем мы видим добродетели и страсти, которые и построены как лестница: восхождение на ступень добродетели всегда означает отталкивание от ступени какой-либо страсти⁶.

⁶ О двух лестницах в связи с восхождением монаха по лестнице добродетелей пишет В. Лепахин: «...существуют две лестницы: одна ведет в ад, другая — в Цар-

<i>Добродетели</i>	<i>Побежденные страсти</i>
Послушание	Гнев
Малоядение	Похоть плоти, славолубие
Пустынничество и удаление от людей	Плотская страсть («телесная печь»)
Милостыня и «скудость во всем», т. е. нищета	«Идолослужение, т. е. сребролюбие»
Память телесной смерти	Уныние и расслабление
«Святая печаль»	«пристрастия и чувственные помыслы»
Послушание	Гнев
Уединение и молчание	Тщеславие и другие страсти
«Небольшая пещера»: место рыданий, слезы, крайнее очищение ⁷	Гордость («восьмая отроковица»)
Молитва и сочинение книг	Уныние

И завершает Даниил это перечисление страстей и добродетелей словами опять о вере святого: «Впрочем, все течение жизни его была *непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу*; ибо, день и ночь, воображая Его в светлости чистоты, как в зеркале, он не хотел или, точнее сказать, *не мог насытиться*» [14, с. 8]. Иначе говоря, Даниил говорит о достигнутом святым Богообщении, т. е. о святости. Почему и после изложения фактов *чудес*, совершаемых преп. Иоанном (спасение от смерти монаха Моисея, исцеление молитвой монаха Исаакия от беса плотской похоти), Даниил возвращается к теме добродетелей святого: «Потом все, удивляясь *преуспеянию его во всех добродетелях*, как бы новоявленного Моисея, поневоле возвели его на игуменство братии» [14, с. 10]. С этого момента и начинается *третий*, описанный Даниилом Раифским, последний *этап* восхождения святого по лестнице добродетелей. Из повествования уходит тема борьбы со

ствие Небесное. Они как бы накрадываются друг на друга. “Стояние” на одной ступени означает и пребывание в добродетели, и поправление какой-либо страсти» [6, с. 22].

⁷ Даниил Раифский делает важное уточнение о том, как достигается это «крайнее очищение»: его «сей Веселеил послушания (т. е. святой Иоанн. — Л.Д.) начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием» [14, с. 7].

страстями, нет указания на грехи. Воссоздается этап жизни человека, достигшего совершенства, потому всё изображаемое в земном пространстве и во времени происходит одновременно — и в большей мере — в вечности и в пространстве Божественной благодати, почему и переход от жизни к смерти не нуждается в описании: «Иоанн приблизился к *таинственной горе, вшедши во мрак*, куда не входят непосвященные; и, *возводимый по духовным степеням*, принял *богоначертанное* законоположение и видение. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово, и из *благого сокровища сердца* своего изнес слова благие. Он *достиг конца видимого жития в наставлении новых Израильтян*, т. е. иноков, тем одним отличаясь от Моисея, что *вошел в горный Иерусалим*, а Моисей, не знаю как, не достиг земного» [14, с. 10].

Прокомментируем этот отрывок. Вхождение в Божественный мрак на богословском языке означает и непостижимость Бога и одновременно достижение «Божественного света» (о Божественном мраке см.: [8, с. 20–36]). Здесь очень важно то, что Синай и Моисей связаны с этим понятием, так как именно на Синае Моисей *во мраке* встретился с Богом, о чем писал Н.О. Лосский, анализируя трактат Дионисия Ареопagitа «О мистическом богословии»: «Путь восхождения, на котором мы постепенно освобождаемся от власти всего, что доступно познанию, Дионисий сравнивает с восхождением Моисея на гору Синай для встречи с Богом <...>. Только тогда, перейдя за пределы мира видимых и видящих, Моисей проникает в истинно-мистический мрак неведения» [8, с. 23].

И здесь *впервые в тексте* прямо звучит слово «ступени» в отношении духовного пути святого. И только после этого вхождения «в мрак» (здесь важна последовательность), где он, «*возводимый по духовным степеням*, принял *богоначертанное законоположение и видение*», только тогда он «Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово, и из *благого сокровища сердца* своего изнес слова благие», т. е. создает свое творение — но не *сам от себя*, а *Духом Святым*, что говорит о причастности его самого и созданного им творения Священному Преданию. Совершив этот труд, «*в наставлении новых Израильтян*» (т. е. словах книги своей) святой Иоанн Лествичник «*достиг конца видимого жития*». Таким образом, агиограф, завершая написание «словесной иконы» — образа святого в житии, явно ука-

зывает на пространство Божественного света, Вечное Царство Славы Божией, в котором находится святой Иоанн, о чем мы говорили выше, анализируя вступление.

И, наконец, о словесном выражении топоса *лестницы*, которого до финала мы не встречаем. Оно появляется в самом финале в словосочетании «богописанные скрижали». Причем этот топос связывается в житии вначале с подвигом личного восхождения по духовным ступеням к вершине — Божественной любви — и уже потом — с книгами, им написанными: «*Дух Святой говорил его устами, свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и доньне спасаются через него. <...> Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца усильными своими просьбами для пользы братий сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренне — созерцательное*» [14, с. 10].

Таким образом, говоря о роли топоса Лестницы в кратком житии Иоанна Лествичника, отметим главное. Данный топос, призванный выражать ступени постепенного восхождения монаха к вершине добродетелей — Божественной вере, надежде, любви (Слово 30. О союзе трех добродетелей, то есть о вере, надежде и любви [15, с. 298-303]), в данном житии подчиняется закону иконичности (в значении термина, который предложил В. Лепахин, — как явление невидимого в видимом [5]), главной задаче — написания *лика святого*. Поэтому пространство Божественной вечности является главным, оно организует все пространство жития, и таким образом реализуется принцип обратной перспективы в житийном тексте. Последовательность ступеней заключается не в их временном поступательном изображении, а в самой идее иерархичности добродетелей и при этом последовательности аскетических подвигов в их связи. Образ святого Иоанна Лествичника в житии не становится иллюстрацией к его же книге, но являет собой Образец, результат совершенного им пути по этой духовной лестнице. Как об этом говорится в Предисловии к книге «Лестница»: («Предисловие Книги Сей, именуемой Скрижали Духовные»): «Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие (преподобного) премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению» [15, с. 3].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Антонова М.В. Сюжетные топосы в агиографии. Постановка вопроса // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 172–175.
- 2 Губарева О.В. Икона как искусство: Эстетические традиции русской иконописи и современная визуальная культура. СПб.: Аргус СПб, 2022. 356 с.
- 3 Дорофеева Л.Г. Агиографическая топика в житии Иоанна Синайского (на материале старопечатного издания Лествицы 1647 г.) // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 106–124.
- 4 Ключевский В.О. Курс русской истории. 3-е изд. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. Ч. 1. 464 с.
- 5 Лепяхин В.В. Икона и образ // Икона в русской словесности и культуре: сб. ст. / сост. В.В. Лепяхин. М.: Паломник, 2012. С. 1–71.
- 6 Лепяхин В.В. Лествица как полифоничный символ духовной аскетической жизни // Вестник русского христианского движения. Париж, 1998. № 178. С. 5–28.
- 7 Лопарев Хр.М. Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт науч. классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения ист. и ист.-лит.: [Дис.]. Ч. 1. Пг.: Тип. Акад. наук, 1914. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Loparev/grecheskie-zhitija-svjatyh-8-i-9-vekov/1 (дата обращения: 27.06.2023).
- 8 Лосский В.Н. Очерк мистического богословия. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
- 9 Попова Т.Г. К истории славянских переводов терминов *πρωτεύς* и *πρεσβεία* (на материале Лествицы Иоанна Синайского) // Понятие первенства: истоки и контексты / отв. ред.: П.В. Ермилов, М.В. Грацианский. М.: Изд-во ПСТГУ, 2022. С. 153–178.
- 10 Руди Т.Р. О композиции и топике житий преподобных // ТОДРЛ. СПб.: ИПП Искусство России, 2006. Т. 57. С. 431–500.

Источники

- 11 Игумен Дионисий (Шлёнов), свящ. Андрей Кордочкин. Иоанн Лествичник // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр РПЦ «Православная энциклопедия», 2011. Т. 24. С. 404–431.
- 12 Иоанн Лествичник. Лествица. М., 1647.
- 13 Живов В.М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 112 с.
- 14 Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком, поистине святого отца, составленное монахом раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным // Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2006. С. 6–10.
- 15 Преподобный Иоанн, игумен Синайской горы. Лествица. М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2006. 445 с.

- 16 Прохоров Г.М. «Лествица» Иоанна Синайского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1989. [Вып. 2]: 2-я половина XIV — XV в. Ч. 2: Л-Я / отв. ред. Д.С. Лихачев. С. 13–17.

REFERENCES

- 1 Antonova, M.V. “Siuzhetnye toposy v agiografii. Postanovka voprosa” [“Plot Topos in Hagiography. To the Question Statement”]. *Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2, 2013, pp. 172–175. (In Russian)
- 2 Gubareva, O.V. *Ikona kak iskusstvo: Esteticheskie traditsii russkoi ikonopisi i sovremennaiia vizual'naia kul'tura* [Icon as Art: Aesthetic Traditions of Russian Icon Painting and Contemporary Visual Culture]. St. Petersburg, Argus SPb Publ., 2022. 356 p. (In Russian)
- 3 Dorofeeva, L.G. “Agiograficheskaia topika v zhitii Ioanna Sinaiskogo (na materiale staropechatnogo izdaniia Lestvitsy 1647 G.)” [“Hagiographic Topic in the Life (Vita) of John the Sinai (on the Material of the Old Printed Edition of the Ladder of 1647)”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 3(62), 2022, pp. 106–124. (In Russian)
- 4 Kliuchevskii, V.O. *Kurs russkoi istorii* [A Course Book in Russian History], part. 1, 3rd ed. Moscow, Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo Publ., 1923. (In Russian)
- 5 Lepakhin, V.V. “Ikona i obraz” [“Icon and Image”]. *Ikona v russkoi slovesnosti i kul'ture* [Icon in Russian Literature and Culture], comp. and ed. V.V. Lepakhin. Moscow, Palomnik Publ., 2012, pp. 1–71. (In Russian)
- 6 Lepakhin, V.V. “Lestvitsa kak polifonichnyi simvol dukhovnoi asketicheskoi zhizni” [“The Ladder as a Polyphonic Symbol of Spiritual Ascetic Life”]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia*, no. 178. Paris, 1998, pp. 5–28. (In Russian)
- 7 Loparev, Khr. M. *Grecheskie zhitiiia sviatykh VIII i IX vekov : Opyt nauch. klassifikatsii pamiatnikov agiografii s obzorom ikh s tochki zreniia ist. i ist.-lit. (Dis.)* [Greek Lives of the Saints of the 8th and 9th Centuries: a Scientific Classification of Monuments of Hagiography with a Historical and Literary Review (Thesis)], part 1. Petrograd, Academy of Sciences Publ., 1914. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Hrisanf_Loparev/grecheskie-zhitija-svjatykh-8-i-9-vekov/1 (Accessed 27 June 2023) (In Russian)
- 8 Losskii, V.N. *Ocherk misticheskogo bogosloviia. Dogmaticheskoe bogoslovie* [Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow, Tsentr “SEI” Publ., 1991. 288 p. (In Russian)
- 9 Popova, T.G. “K istorii slavianskikh perevodov terminov πρωτεία i πρεσβεία (na materiale Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo)” [“On the History of Slavic Translations of the Terms πρωτεία and πρεσβεία (Based on the Material of the Ladder of John the Sinai)”]. Ermilov, P.V., and M.V., Gratsianskii, editors. *Poniatie pervenstva: istoki i konteksty. Kollektivnaia monografiia* [Concept of Primacy: Origins and Contexts. A Collective Study]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University Publ., 2022, pp. 153–178. (In Russian)

- 10 Rudi, T.R. "O kompozitsii i topike zhitii prepodobnykh" ["On the Composition and Topic of the Lives of Reverend"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 57, 2006, pp. 431–500. (In Russian)

Информация об авторе: Людмила Григорьевна Дорофеева — доктор филологических наук, доцент, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, ул. А. Невского, д. 14, 236041 г. Калининград, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Information about the author: Lyudmila G. Dorofeeva, DSc in Philology, Assistant Professor, Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, A. Nevsky 14, 236041 Kaliningrad, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3622-8379>

E-mail: lgdorofeeva@mail.ru

Для цитирования: Дорофеева Л.Г. Топос лестницы в Житии Иоанна Синайского (на материале Оптинского перевода «Лестницы») // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 22 / Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2023. С. 312–328. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-312-328>

© 2023, Л.Г. Дорофеева

For citation: Dorofeeva, L.G. "Topos of Ladder in the Life (Vita) of John the Sinai (Based on the Optina Translation of the 'Ladder')." *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [Hermeneutics of Old Russian Literature]. Issue 22. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2023, pp. 312–328. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2023-22-312-328>

© 2023, Lyudmila G. Dorofeeva